

– Слушай, я что на днях по телику видел...
– Телик – зло.
– Угу. Я же у бабки постоянно. Она обожает это зло. Просто притон зла у нее дома.

Лариса. Ну, дядя Валера.

Сереза. Что-то ты путаешься в показаниях.

Лариса. Какая разница. *(Прячет деньги.)*

Сереза. Правда что, какая разница.

Лариса. Не хочешь – не надо.

Сереза. Не хочу. Не надо. И это вот тоже убери отсюда. *(Отдвигает от себя пакет.)*

Лариса. Че убери, может, ты убери? Мы это, как саврасы, вдвоем тащили, а ты и пальцем не пошевелишь, это ты тоже есть будешь, между прочим.

Сереза. Не буду.

Лариса. Ты так долго не протянешь. *(Демонстративно достает из пакета кулек с черешней, ест, выплевывает косточки.)*

Сереза. Что ты жрешь ее, она грязная, немытая.

Лариса. Мне аппендицит уже вырезали.

Сереза. Иди в дом вообще, что ты тут...

Лариса. Потом.

Сереза. Ждешь кого-то, что ли?

Лариса. А ты не ждешь?

Сереза. Саньку своего ждешь, да?

Лариса. А тебя Катька опять послала?

Сереза. Давай-давай. Будешь ходить к своему Саньке, такой же станешь.

Лариса. Какой – такой же?

Сереза. Как эта.

Лариса. Точно, послала тебя Катька. А мы видели их, когда шли. Они там за домом бутылки на палках повтыкали и ездят. Не скоро еще будут. А ты ее ждешь, как дурачок...

Сереза. Слушай, я что на днях по телику видел...

Лариса. Телик – зло.

Сереза. Угу. Я же у бабки постоянно. Она обожает это зло. Просто притон зла у нее дома. Так вот, там передача была, из этих скандалов, и вот показывают. У женщины умер муж. И она стала мужиков к себе водить. Крыша съехала маленько. А у нее два сына были, подростки. Они терпели-терпели, а потом закопали ее в огороде.

Лариса. Дебил.

Сереза. Через три недели признались.

Лариса. Да это не то вообще! Кто к ней ходит? Это ее друзья вообще. Они же договорились ей помогать. Еще на поминках.

Сереза. А че она из дома сразу выгоняет, как кто придет? Меня к бабке! А ты к Саньке ходишь, и ей ничего!..

Лариса. Да пьют они просто. Выпивают. Стыдно, наверное...

Сереза. Ей другое стыдно. Не заметила? Она все фотки в комод прячет. Или вот так кладет плашмя. Ей стыдно, что отец смотрит.

Лариса. Бредишь... Я знаю. Это тебя Катька послала, и у тебя комплексы.

Сереза. При чем тут Катька вообще?

Лариса. Послала же, да? Я по лицу вижу.

СЕРЕЖА молчит, утынается в телефон. ЛАРИСА нидает в него носточками черешни.

Лариса. Серёнь! Ну Серёнь! Ну че у тебя там с Катькой? А? Ну, скажи, мне интересно. Ну, скажи!

Сереза. Еще раз так сделаешь – буду бить тебя. Очень больно.

Лариса. Раньше что-то не бил. Боялся?

Сереза. Просто раньше я любил тебя больше.

Лариса. Меня-то за что?

Сереза. А ты, типа, не видишь ничего? Ты, типа, фея?

Лариса. Это ее жизнь! Понимаешь – ее!

Сереза. У нее жизнь. А у меня что – говно на палке?

Лариса. Так скажи ей! Поговори с ней сам! Че ты мне-то вываливаешь!

Сереза. Мне там находиться противно.

Лариса. А мне лучше, что ли? Потерпишь! Я в магазин ее водила! Теперь твоя очередь!

СЕРЕЖА берет панет с продуктами и рюкзак, уходит в дом. ЛАРИСА сидит на крыльце, плачет.

2.

Квартира. Кухня. ЛИДИЯ режет хлеб. СЕРЕЖА входит, ставит панет на стол, рюкзак на табуретку. Некоторое время наблюдает за ЛИДИЕЙ.

Сереза. Тупой. Дай.

Лидия. Что? *(Сереза забирает у нее нож.)* Ты со мной разговариваешь?

Сереза. А с кем? С привидением? *(Вынимает из ящика стола точильный камень.)* Масло.

Лидия. Что «масло»?

Сереза. Масло дай. Надо капельку масла. Так папа делал, когда точил. Ты помнишь, я надеюсь?

Лидия. Надо вообще керамические ножи купить, они не затупливаются. *(Вытирает руки, достает из сумки кошелек, из кошелька – деньги.)* Вот. Пойдешь к бабушке – купи, у нее в торгашке рядом.

Сереза. Я сегодня опять к бабушке?

Лидия. Ей с утра на службу.

Сереза. Пусть Лариска проводит.

Лидия. Лариска к Саньке.

Сереза. Лариска к Саньке. Ты, значит, тут. А бабушка за всех молится. Хорошо устроились.

Лидия. Можешь не ходить.

Сереза. Да нет, я пойду.

Лидия. Не надо. Бабушка сама как-нибудь доташится.

Сереза. Вот только меня не надо виноватым делать. И вообще, зачем эти ножи, они кости не режут. Надо машинку.

Лидия. Купи машинку.

Сереза. Купи да купи... Я к Кате схожу, у нее у папы есть.

Лидия. Ой, я не люблю вот это все. Хожение по соседям. Как в советские времена. За солью, за фикусами...

Сереза. Ты не любишь – я пойду.

Лидия. А потом говорят черт-те что.

Сереза. Кто говорит? Никто ничего не говорит.

Лидия. Ладно, иди к Кате своей.

Сереза. Я просто не хочу тратить деньги, которых нет.

Лидия. Только Катя же еще не дома. Они там на пустыре ездят. Папа учит ее.

Сереза. Ну, подожду под дверью.

Лидия. К бабушке пойдешь?

Сереза. Не знаю.

Лидия. Если пойдешь, позвони ей заранее.

Сереза. Денег нет.

Лидия. Возьми на телефон себе. И на ножи.

СЕРЕЖА забирает деньги со стола. Берет нож. Выходит. ЛИДИЯ смотрит на фотографию на полке. Нладет ее плашмя.

3.

Двор. Осенние сумерки. ЛАРИСА все еще ждет. Нанонец появляется САНЬКА.

Лариса *(вскакивая)*. Десять часов!

Санька. Ну брат только с армии, я не мог не пойти, говорил же.

Лариса. Он неделю как с армии, а все одно и то же.

Санька. Я не мог не пойти.

Лариса. Волосы влажные...

Санька. Из бани только, пошли скорее, продувает.

Лариса. Вы в бане были?

Санька. В сауне.

Лариса. Со шлюхами, конечно.

Санька. Ларис, че ты сразу начинаешь?

Лариса. А ты меня за дуру держишь? Че вы там еще делать-то могли!

Санька. Ну, типа, мыться, не?

Лариса. Да ты пьяный вообще!

Санька. Слушай, нет, они хотели, да куда там, насмешили только, им бы до дома доползти, а не шлюхи, какие им там шлюхи. Я же позже приехал, я с автосервиса только, они уже упоротые были, они там без меня начали с Жорой. Блин, пацаны смешные, храбрились, храбрились, потом... на стан поедем, в бильярд поедем, в итоге, слушай, поехали до Жоры, он вылез из машины и упал на четвереньки, ну ясно все, мы его там оставили. Потом в бильярд ехали-ехали...

Лариса. На время хоть бы смотрели!

Саньна. Так я и говорю, я смотрю на время, я смотрю – время уже ого, говорю, остановите тут...

Лариса. Спасибо, вспомнил обо мне.

Саньна. Да я не мог не поехать, говорю, я всегда о тебе помню, я и выпил не-много специально. А пацаны смешные, вот зачем это гарцевание, не понимаю, шлюх снимем, на стан поедем... и те де...

Лариса. Так были все-таки?

Саньна. Что?

Лариса. Шлюхи.

Саньна. Что ты вцепилась в этих шлюх? А были бы, я бы и не стал. Я вообще считаю, это подло как-то.

Лариса. Ну-ну.

Саньна. Ну, просто, шлюхи – это уж точно без любви. А мир без любви – он жалкий какой-то.

Лариса. Угу.

Саньна. Я бы и сам не захотел со шлюхами.

Лариса. Захотел бы. Просто у тебя денег нет. Автосервис, млять.

Саньна. Лариса, у тебя мать опять, да? Это?

Лариса. Не твое дело.

Саньна. Слышь, я че думаю. Надо твою мать напугать как-то.

Лариса. Как ты ее напугаешь?

Саньна. Ну я не знаю, призрака соорудить.

Лариса. Урод. Ты соображаешь вообще?

Саньна. А что, а что я могу предложить, ты что, хочешь, вот так вот чтобы все было постоянно?

Лариса. Ниче я не хочу.

Саньна. Все, хватит, я законенел уже совсем. Пошли.

Лариса. Серега сказал – если я к тебе буду ходить, такой же стану. Как она.

Саньна. Вот, значит, как Серега сказал...

Из подъезда выходит СЕРЕЖА с ножом.

Сереза. Сначала просохни, потом к сестре моей подходи.

Саньна. У тебя забыл спросить.

Сереза. Я не шучу.

Саньна. А без ножа ссышь?

Лариса. Серёнь, ты че?!

Сереза. Че-че, нож ходил точить у Катьки.

Лариса. Ее нету же!

Сереза. Нету, вот я на улицу вышел ждать.

Саньна. Она не придет, больно ты ей нужен.

Сереза. Отойди, я нервный.

Лариса. Серёнь, отдай мне.

Сереза. Не дам.

Лариса. Ну зачем он тебе тут?

Сереза. А может, я хочу посмотреть, кто сегодня придет?

Лариса. Ну увидишь – и что ты сделаешь?

Сереза. Что-нибудь сделаю.

Саньна. О, смертоубийство. Блин, засада, я попкорна не запас.

СЕРЕЖА поворачивается к САНЬНЕ, медленно идет на него.

Саньна. Слышь, ты глазенки не закатывай. Отщепись, млять, «ярость берсерка».

К подъезду подходит НАТЯ.

Саньна. Катюха! Че, как покатались?

Натя. Я уже почти профи.

Саньна. Теперь еще машину свою осталось...

Натя. Мне дядя обещал совсем отдать. Ну, после восемнадцати.

Саньна. Она дорогая какая-то вроде у него. Японка?

Натя. Ага. Да он ездит неаккуратно. Его били, скотчем заклеивали. Ему стыдно теперь за нее садиться, говорит – че она вся грязная, как свинья, скотчем заклеенная. Папа поорал, конечно, с него, решил у него выкупить, по-родственному.

Саньна. Я бы такую машину облизывал на месте твоего дяди...

Натя. Да там на ремонт уже по полмашины стоимость. Он недавно два диска погнул, оборвал крепление стабилизатора, кто-то его обгонял там, подрезал, он вылетел на встречку, зацепил арку какого-то автобуса, поворотник разбил...

Саньна. Тебе до восемнадцати рога да копыта останутся!

Натя. Да вот как бы не так. *(Серезе.)* А ты че с ножом?

Сереза. Тебя ждал.

Натя. Меня? С ножом?

Саньна. Он хотел со мной устроить махач.

Натя. Горячий африканский парень.

Сергея. Мне наточить его надо, у тебя машинка была...

Натя. Ой, я не помню, где у нас машинка. Ее, кажется, папа в гараж утащил.

Сергея. На фига машинка в гараже?

Натя. А он все туда тащит, как хомяк. Скоро там поселится. Я бы тоже поселилась. Ладно, давай мне, я наточу.

Сергея *(отдавая нож)*. Спасибо. Занеси завтра.

Натя. Может, и сегодня.

Сергея. Сегодня поздно.

Саньна. Сегодня тебе нельзя. Сегодня к матери его – хахаль придет.

Лариса *(со слезами)*. Быстро с глаз моих уйди! Быстро!

САНЬНА уходит.

Натя. М-да. Что, совсем все плохо?

Сергея. Нормально.

Натя. Как у самого дела? В музыкалку ходишь?

Сергея. Счас Соломон болеет, временно не хожу.

Натя. Жалко, ты не на гитаре учишься, а на пианино. Вышел бы, сбацал что-нибудь.

Сергея. Да я хоть на чем могу сбацать. Хоть на расческе. Слушай, я вспомнил... Ты в восьмом с нами еще не училась?

Натя. Нет.

Сергея. Тогда ты не помнишь. Мы в седьмом или восьмом классе делали игру по русскому языку. Разделялись на команды. И там было одно из заданий – переделать песню, мы переделали эту, знаешь – «дружба крепкая не сломается», а подыгрывать не знали на чем. Я взял расческу с бумагой. А у нее звук такой бурдонный...

Натя. Какой?

Сергея. Бурдонный, это когда все на одной ноте. И ты голосом модуляции делаешь. То есть как бы поешь, но очень громко. Просто жешь.

Натя. Жешь, да.

Сергея. У тебя есть расческа?

Натя. Нет.

Сергея. Ларис?

Лариса. Нет.

Сергея. А еще девочки, блин.

Натя. У меня массажа, не пойдет.

Сергея. А, ну, кстати, по массажке можно пальцем тыркать, как бы перкуссия.

Натя. Смешной ты...

Сергея. Это хорошо или плохо?

Натя. Ну так, не совсем.

Лариса. Смешной. Он сам песни пишет и не говорит.

Сергея. А ты не пали, самая умная нашлась.

Натя. Реально пишешь? А спой?

Сергея. Потом как-нибудь. Сейчас поздно уже. Будут кидать ботинками. Из этих, из окон.

Натя. Отмазон такой отмазон...

Сергея. Да просто я не могу... В смысле, я их не а капелла... ну, там аккомпанемент нужен. Пианинка.

Натя. Зайду как-нибудь, сыграешь.

Сергея. Зайди, ладно. Как-нибудь.

Натя. Смотри, обещал! Ладно. Спокойной ночи. *(Поднимается на крыльцо, заходит в подъезд)*

Сергея *(Ларисе)*. Ну че! Пошли со мной к бабушке?

Лариса. Она по мозгам ездить будет...

Сергея. А куда еще, не домой же.

Лариса. Ну да.

Сергея. Хочешь, я ее отвлекать буду. Скажу, что креститься хочу.

Лариса. Она же тебя потащит.

Сергея. Ну и что?

Лариса. Все равно?

Сергея. Все равно.

Уходят.

4.

Квартира. Прихожая. Звонок в дверь. ЛИДИЯ открывает, внутрь заглядывает НАТЯ.

Натя. Здрассте. Ой, какая вы красивая...

Лидия. Сергей у бабушки.

Натя. Я знаю. Ой, а из чего халат у вас такой красивый?

Лидия. Шелковый.

Натя. Нет, в смысле, не из чего, я неправильно сказала, – откуда?

Лидия. Коля из какой-то командировки привез, его как конструктора отправляли. Царство небесное.

Натя. Очень красивый. Из Индии, наверное.

Лидия. Да перестань, старый, вон катышки на локтях, вообще я в нем сплю, я спать собиралась.

Натя. А вы макияж перед сном не смываете?

Лидия. Почему, смываю...

Натя. А брови у вас нарисованные или свои?

Лидия. Нарисованы.

Натя. Я всегда думала, женщины, у которых брови нарисованы, как они... ну... как они...

Лидия. Чего?

Натя. Извините. Ну, когда с мужчинами они. Брови же... Они брови смывают заранее, перед тем как – или прямо так? Потому что если с нарисованными, они же размажутся. А если без бровей, так это страшно совсем, рожа страшная, как ее мужчина будет...

Лидия. Катя, хватит строить из себя, будто ты из деревни, время тянуть.

Натя. Я не тяну, я вам нож принесла. Увидела халат и брови и забыла совсем.

Лидия. Наточили? *(Забирает, пробует лезвие.)* Ни черта вы не наточили.

Натя. Мы точили-точили, точили-точили, но у Сереги руки не из того места.

Лидия. Спасибо за старания.

Снаружи на лестнице слышны шаги, в прихожую заглядывает СОЛОМОН.

Натя. Это вы? Это вы?

Соломон. Что такое? Это я, ничего, кроме меня.

Натя. А Серега сказал, что вы болеете. А вы как-то не совсем.

Соломон. Серега мог такое сказать, да, я уже понял.

Натя. Так, может, вам вредно?

Соломон. Что – вредно?

Натя. Гулять на ночь глядя.

Лидия. Это детям вредно. А взрослым можно. Катя, иди спать.

Натя *(Соломону)*. Не ожидала от вас. Вот от вас – не ожидала.

НАТЯ уходит.

Лидия. Что же это ты, правда, ходишь по ночам? А, Соломон Адамыч?

Соломон. Пришел как раз о Сереже поговорить.

Лидия. Ночью?

Соломон. Да какая ночь, детское время, мы в школе торчим, к празднику готовимся. Я мимо шел, вижу – окна светятся...

Лидия. Под окнами ходишь? Как в старые добрые?

Соломон. В старые добрые я не ходил.

Лидия. Ну да. Это я за тобой бегала.

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

Соломон. Да. Да, только закончили. Да ни с кем я, скоро приду. Да. Пока. Да, конечно. Пока. Угу. Пока. *(Сбрасывает.)*

Соломон. Сережа не ходит на занятия.

Лидия. Говорит, что ты болеешь.

Соломон. Ничего я не болею. Я думал, он болен. А ты не звонишь, не проверяешь.

Лидия. Хочешь, чтоб еще я тебе звонила, проверяла?

Соломон. Он тебе врет, я бы на твоём месте насторожился.

Лидия. Знаешь, я вообще перестала вопросы задавать. Нервы дороже. На школу там надо, я портфель собираю, по старой памяти, а то он рассеянный. Карандаши там, пенал, тетради. Ноты.

Соломон. Ему нельзя бросать.

Лидия. Ты ему это скажи, это же он не ходит.

Соломон. Он способный.

Лидия. Способный? И кем он будет? Кем он у нас тут станет? Учителем в школе? В ресторане лабать?

Снова звонит мобильный СОЛОМОНА.

Соломон. Я иду уже, иду. Вот, возле разезда. Да, смотрю. Пока. Осторожно. Пока. *(Сбрасывает.)*

ЛИДИЯ смотрит на него насмешливо.

Соломон. Слушай, если ты хочешь его забрать...

Лидия. Я уже ничего не хочу. Мне вообще сложно уже что-то хотеть.

Соломон. Лидя...

Лидия. Пусть сам разбирается со своей жизнью. И тебе того же желаю.

– Ты в следующий раз бей сразу ногами. Руки береги. Руки для музыканта – главное.
– Какой я музыкант...
– Если будешь дальше прогуливать, точно никакой станешь.

Димас. Серега, я тебе сказал – Христос воскресе, как надо отвечать?

Сереза (*подходя*). Воистину воскресе.

Мария Михайловна (*кричит издали*). Сереза, мне не нравятся твои друзья!

Сереза (*широко улыбаясь*). Только пасхальная неделя давно закончилась.

Димас. Края потерял, да?

Мария Михайловна. Сереза, пойдем скорее!

Сереза. Баб, вы идите, я счас! (*Хватает за руку Димаса, трясет ее, хлопает его по спине, продолжая улыбаться.*) Что вы хотели, друзья?

Димас. Охерел? Че ты щерисься, пасть закрой.

Сереза (*с улыбкой*). Я сейчас драться не могу.

Мария Михайловна. Сереза, может, ты палку мою возьмешь?

Димас. Иди возьми палку, обсос, бабушка волнуется.

Сереза (*улыбаясь*). Че хотите, как хотите. Хотите подраться – пожалуйста, но потом. Пусть они уйдут. У нее сердце слабое.

Димас. Счас заплачем от жалости, млять.

Сереза (*улыбаясь*). Я тебе денег дам, только уйдите. (*Вынимает из кармана купюры, протягивает.*)

ДИМАС медленно забирает деньги.

Мария Михайловна. Сереза, нищим это много! Много!

Лариса. Бабуль, он им занимал, он им должен! Пошли, они разберутся!

Димас. Брата моего мочкануть хотел, ссыкло, с ножом на человека, а меня купить собрался?

Сереза. Я ходил нож точить, это Санька твой – ссыкло.

ДИМАС медленно сминает деньги в ком.

Димас. А я твою маму знаешь что? Знаешь?

СЕРЕЖА рвется ударить ДИМАСА. По сигналу друзья ДИМАСА хватают СЕРЕЖУ за руки и удерживают, а ДИМАС засовывает СЕРЕЖЕ деньги в рот.

Мария Михайловна. Сереза, палку! Палку! Палку!

Лариса. Бабушка, стой!

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА добирается до дерущихся и колотит их по спине палкой. ЛАРИСА пытается ее оттащить. Появляется СОЛОМОН, вмешивается в драку, наносит довольно точные и болезненные удары, после чего нуча-мала распадается.

Димас. Вы-то че, млять? Вам-то че не живется?

Соломон. Милиция уже едет, уходи подобру, Дмитрий.

Димас (*Серезе*). Я тебя найду потом.

ДИМАС и его дружки уходят.

Лариса. Бабушка, ты как? Может, скорую?

Мария Михайловна. Нет, ты знаешь, я как-то даже взбодрилась. (*Соломону.*) Санечка, спасибо, колокольчик.

Соломон. Да не за что, тетя Маша. (*Серезе.*) Ты в следующий раз бей сразу ногами. Руки береги. Руки для музыканта – главное.

Сереза. Какой я музыкант...

Соломон. Если будешь дальше прогуливать, точно никакой станешь.

Сереза. Ну и пусть.

Соломон. Что значит – пусть? Тебе рано пока.

Сереза. Что рано?
Соломон. Жить в разочарованиях.
Лариса. Бабуля, на службу опоздаем!
Мария Михайловна. Пойдем, пойдем, колокольчик.
Сереза, догоняй нас.

Идут к храму, СОЛОМОН и СЕРЕЖА
остаются. СЕРЕЖА собирает раз-
бросанные деньги.

Сереза. Зачем вы вообще влезли?
Соломон. Я вчера у твоей матери был.
Сереза. Вы были у моей матери?
Соломон. Я не за этим...
Сереза. За чем – «за этим»?
Соломон. Я узнать, почему ты не ходишь.
Сереза. Я к отцу хожу. А то там не убирает
никто.
Соломон. Не обязательно так часто убирать.
Сереза. Я просто посидеть. А то и поговорить
не с кем.
Соломон. Можешь со мной говорить.
Сереза. Да счас!

У СОЛОМОНА звонит мобильный
телефон.

Соломон. Да. Да, куплю. Да, я прогуляться
решил. Воздух хороший. Обязательно
позже вылезем. Да, пока. Да. Хоро-
шо. Пока. Да. Пока.

Пока он говорит, СЕРЕЖА уходит.

Соломон. Сереза!..

6.

Утро. Нладбище. СЕРЕЖА приходит
на могилу отца с буханной хлеба
и бутылной водни. Часть выливает
на могилу, отщипывает хлеба, сидит
возле могилы на снамейке.

Сереза. Знаешь... Я не хочу никого убивать.
Я даже хотеть не хочу.

СЕРЕЖА пьет и съедает всю бухан-
ну, играет на расчесне.

7.

День. Спальня в квартире ЛИДИИ.
На столе включенный ноутбун,

пепельница с окурнами, пустые
бутылки, упановни от продуктов,
тарелки с крошками. ВАЛЕРА один
в кровати, просыпается, потяги-
вается. Встает, замечает ноутбун,
присаживается к столу, что-то
смотрит в браузере.

Входит ЛИДИЯ.

Лидия. Ты че там?
Валера. Да мне ехать счас на подписание,
хотел посмотреть, куда.
Лидия. В телефоне карты есть.
Валера. Я не умею их, куда их тыкать...
Лидия. Слушай, даже я умею.
Валера. Я уже нашел тут, мне на Московку
надо.
Лидия. Что ты забыл-то там?
Валера. Как обычно, договор на аренду под-
писывать.
Лидия. Может, ну его?
Валера. Ты что, нельзя отменять, еще гонять-
ся потом за ними. Они же вечно: ой,
давайте не в этот день. Ой, давайте
перенесем. В итоге едешь в воскре-
сенье в десять, одиннадцать утра на
другой конец города. Причем при-
едешь, а они каждый раз наливают за
знакомство. Я уже избегать пытаюсь.
А они свое: ну, за знакомство! Ты
такой: ну, может, без этого, может,
сразу? Не-е-ет – за знакомство. И та-
ких встреч три-четыре может быть.
В аптеке, помню, ездил подписывать,
мне вообще стакан спирта налили.
Лидия. Так ты похмеляться едешь?
Валера. Куда там – похмеляться, я и сам не
рад, иногда такую гадость нальют –
из своих запасов, что ли. Выпиваешь
стакан – фу, дрянь какая. Через
десять минут: вау, выход за пределы
сознания. Еще через десять: да я все
вам подпишу на ваших условиях, дай-
те уже пойти пописать.
Лидия. Сгораешь на работе просто. У Коли
вон поджелудка отказала, не боишь-
ся?
Валера. Да, с Колей ужас, конечно.
Лидия. А ты знаешь, что он между корпусами
лежал полчаса и никто даже не подо-
шел, не поинтересовался?

Валера. Там пусто в пересменку, никто просто не видел, видимо.

Лидия. Потом я уже звонить стала. А он не любил, чтоб на работу звонили, ругался. Я просто что-то почувствовала.

Валера. Да ужас, Лид, чего говорить.

Лидия. Это я к тому, что как пить вместе, так все друзья, а как померешь, так просто алкашня, и никто никому ничего.

Валера. Ну что сразу – алкашня...

Лидия. И Коля был алкаш, и ты алкаш.

Валера. Че сразу алкаш, работа вредная, говорю.

Лидия. Убереги нас божечка от работы от такой, чтоб пить все время и не знать, куда себя деть.

Валера. Тебя божечка неплохо от работы бережет.

Лидия. Да я ищущу. Не устроилась еще просто. За хорошие места люди зубами держатся.

Валера. Держатся... Видел я, как ты ищешь. По истории пошарил (*живает на ноутбук*). Базу расширяешь? Клиентов новых, тэкскэть...

Лидия. Сейчас выйдешь отсюда и никогда больше не зайдешь.

Валера. Ты же нормальная баба, на экономиста училась.

Лидия. Училась, свое уже отучилась, чтоб еще ты меня учил.

Валера. Ты так долго не вынесешь.

Лидия. Я много чего вынесла. Когда отца на заборе повесили, мама согнулась вся в дугу и только и могла, что молиться, а я – жила. Когда на проходную дозвонилась и мне сказали, что Коля все, я вынесла.

Валера. Не вынесла. Ты вот этим всем себя добиваешь сейчас.

Лидия. Чем «вот этим»? Чего ты там такого наискал? Вот это вообще подло, я тебе скажу, как в грязном белье копаться.

Валера. А я тебе скажу, это плохо, когда история браузера похожа на грязное белье.

Лидия. Все. Вали.

Валера. Выбери лучше кого-нибудь из нас. Не один же я к тебе хожу. Эти твои

друзья, которые давно друзья... Кто там на поминках был, Сарычев? Из банка который...

Лидия. Из банка. Он там давно не работает, кстати, а ему все тычут этим банком. Он оскорбляется, интеллигентный такой стал.

Валера. А, ну раз ушел, значит, не вариант тебе.

Лидия. Валера, не доводи, уходи подобру.

Валера. Еще там кто-то был, молоденький, носатый, но у него вроде жена...

Лидия. Договор свой опоздаешь подписать.

Валера. Ничего, подождут. Или, может, профессор музыки твой?

Лидия. У него мама.

Валера. Что – мама? Он на маме женат?

Лидия. Мама парализована.

Валера. Тоже тебе не подходит, такой груз на шею...

ЛИДИЯ замахивается на него.

Валера. Вот и выходит, что лучше меня варианта нет.

Лидия. Это ты мне так предложение делаешь? Оскорбив меня всячески?

Валера. Я хочу, чтоб ты отрезвилась немного.

Лидия. Сам отрезвись, алкашня.

Валера. У тебя, как Коли не стало, будто и глаз не стало. Ты не видишь, что делаешь? Дети у тебя где? Где твои дети?

Лидия. У бабушки дети.

Валера. Материнский инстинкт у тебя есть?

Лидия. Материнский инстинкт – это выдумки, мужики выдумали, для удобства, чтоб женщину к месту привязать. А если бы он и был, я бы никаким инстинктом не решила второй раз за алкаша выйти. Коле сорока не было. Уходи, не могу больше.

Валера. Ты думаешь, такая гордая, послала, так к тебе другие прибегут? Скурвишься быстро. Не молоденькая.

Громкий стун в дверь.

Валера. Иди дверь открой.

Лидия. Я не открываю никому. Я женщина одинокая, мало ли что.

Валера. Может, это дети твои.

- Лидия. У детей ключи есть. И бабушка звонит, когда они идут.
- Валера. Я вот так же один раз к тебе стучал, ты не открыла.
- Лидия. Звонить надо было заранее.
- Стун повторяется, стучат долго, громно.
- Валера. Ну и кто там такой настойчивый?
- Идет в прихожую, открывает дверь, возвращается с СЕРЕЖЕЙ. СЕРЕЖА пьян.
- Валера. Вон че! Родную кровь не пускаешь!
- Сереза. Я не помню, как вас. Дядя Петя? Дядя Саша? Столько новых лиц...
- Валера. Прямо вот столько?
- Сереза (*увидев на столе мусор*). Уважаемые жители и гости нашей квартиры! Уважайте труд уборщиц. Просим вас убирать ваше дерьмо с глаз долой. Для вас придуман мусоропровод. (*Сметает все со стола на пол.*)
- Лидия. Сереза, ты что, пьян? Ты где деньги взял?
- Сереза. Ты сама дала мне деньги.
- Лидия. Я тебе на что давала?
- Сереза. Скажи спасибо, что не купил, на что давала.
- Лидия. Я тебе на ножи давала! Ты что, как папа, хочешь?
- Сереза. Да поскорее бы. А ножи лучше от меня подальше, а то прирежу! Или тебя, или себя.
- Валера. Ремня не хочешь, нет, в качестве успокоительного?
- Лидия. А ты какое право имеешь ему ремнем грозить?
- Валера. Я вообще уже ушел.
- Лидия. Иди-иди.
- ВАЛЕРА уходит, ЛИДИЯ закрывает за ним дверь. СЕРЕЖА вынимает из ящика номада фотографию, другую ставит на полку, третью находит в шкафу и тоже возвращает на место, подравнивает. Роняет фотографию, разбивает стекло.
- Сереза. Блин. Папа, прости. (*Пытается собрать осколки.*)
- Лидия. Стой, я совок принесу. Стой, обрежься.
- Сереза (*собирая осколки*). Папа, прости меня. Папа, прости.
- Лидия. Ты успокоился?
- Сереза (*чуть не плачет*). Ниче я не успокоился.
- Лидия. Сердитый такой. Сердитый. Сердитый мой пресердитый. Казачина ты, казачина ты моя глупая...
- Сереза. Какая еще казачина, я ненавижу казаков.
- Лидия. Так Коля же из казаков, по материнской линии.
- Сереза. Мне все равно, я ненавижу казаков, ясно?
- Лидия. Он тоже, как что ему не так, сразу наголо шашечку и всех покрошить в крошечки.
- Сереза. Не одобряй меня!
- Лидия. Что я тебя? Не одобряй?
- Сереза. Не пытайся. Не одобрит!
- Лидия. Ах ты, господи. (*Хохочет.*)
- Сереза. ...Разговорами об отце. Не пытайся.
- Лидия. Не пытаюсь. Удобрить. (*Не может перестать смеяться.*)
- Сереза. Я злой. Я очень злой.
- Лидия. Злой-презлой.
- Сереза. У меня дико болит голова.
- Лидия. Так еще бы, столько выпить. (*Перестает смеяться.*) Серезенька, вот правда, не пей, ладно? Если ты еще будешь пить, я вообще, я не знаю, из окна прыгну.
- Сереза. А ты не води кого попало в квартиру. Это моя квартира, моя, тут все мое. Я не хочу, чтоб тут воняло чужими, чтоб были их окурки, бутылки эти, не хочу тут никого видеть. Я дома хочу жить, не у бабки. Это мое место, моя жизнь.
- Лидия. Мое, мое. Не твое, а наше.
- Сереза. Если не перестанешь водить, я каждый день буду пить.
- Лидия. Я тебе денег не дам.
- Сереза. Украду, если надо.
- Лидия. Сядешь.
- Сереза. Тебя прав лишат.
- Лидия. Запугать меня хочешь? Иди проспись.
- Сереза. Ты если фотки отца убираешь, чтоб он не смотрел, так я буду, как он, чтоб ты видела. Так же приходиться,

Это дикое время было,
ужас, у нас во дворе
постоянно стреляли,
ты представляешь, средь
бела дня, а один раз я иду
домой, а на площадке
сосед другому из-под полы
автомат продает.

шататься и падать. И звать тебя
Лидкой. Потому что ты Лидка. Лидка,
где ужин? Лидка, поменяй мне штаны,
я обоссался! Лидка-Лидка! *(Падает.)*

ЛИДИЯ уводит его в другую комна-
ту. СЕРЕНА что-то бормочет и вяло
сопротивляется.

ЛИДИЯ возвращается, звонит
по городскому телефону.

Лидия. Добрый день, а Соломона Адамовича
можно? Почему в школе, воскресенье
же?.. Ах, точно, праздник... Нет-нет,
я из родительниц, просто про ребен-
ка хотела узнать. Да уж наверное,
Клара Хаимовна, вы меня узнали, мы
с ним в одной школе учились... *(Слу-
шает, на лице медленно появляется
отвращение.)* Я перезвоню. *(Вешает
трубку.)*

8.

Нвартира МАРИИ МИХАЙЛОВНЫ,
ЛАРИСА смотрит телевизор, МАРИЯ
МИХАЙЛОВНА ходит туда-сюда по
комнате.

Мария Михайловна. Ты звонила?

Лариса. Бабуль, не бесись.

Мария Михайловна. Он уже давно должен был вер-
нуться.

Лариса. Решил погулять.

Мария Михайловна. Лидка тоже не отвечает?

Лариса. Да не слышит, наверное.

Мария Михайловна. Черт знает что. Черт знает
что.

Лариса. Бабуль, ты че-то раздухарилась.
Тебе драка на пользу пошла. Давай
я еще тебе Саньку приведу, ты его
палкой поколотишь.

Мария Михайловна. А что Санька, поссорились?

Лариса. По ходу, да.

Мария Михайловна. Вот и слава богу.

Лариса. Да?

Мария Михайловна. Не пара он тебе.

Лариса. Угу. Автосервис.

Мария Михайловна. Вот куда они могли с Санькой
пойти?

Лариса. Бабуль, ты че, не с Санькой, а с Соло-
моном.

Мария Михайловна. Соломон тоже Санька. В школе
Санькой звали, а то длинно.

Лариса. Да куда б ни пошли, ничего он ему не
сделает, учитель же. У них мужской
разговор.

Мария Михайловна. Вот пришли бы и тут разго-
варивали на кухне. Не чужие, между
прочим. Твоя мама с этим Соломоном
встречалась.

Лариса. Вот прямо?

Мария Михайловна. Она не говорила?

Лариса. Да как-то речи не было.

Мария Михайловна. Мама твоя в школе многим
мальчикам нравилась.

Лариса. Уж я догадываюсь.

Мария Михайловна. А потом это было с твоим де-
дом, ну, ты же знаешь, начало девя-
ностых, он где-то вляпался, с кон-
курентами не поладил, по бизнесу...
Говорила я ему, брось ты этот бизнес,
вернись в школу, не помрем с голо-
ду, люди помогут, если что, с дачи
будем питаться... Одно лето мы с дачи
питались, правда, такие дожди были,
и зарплату нам задерживали сильно,
так мы и питались одними этими ка-
бачками, только кабачки уродились...

Лариса. Да, ты рассказывала.

Мария Михайловна. Это дикое время было, ужас,
у нас во дворе постоянно стреляли,
ты представляешь, средь бела дня,
а один раз я иду домой, а на пло-
щадке сосед другому из-под полы
автомат продает.

- Лариса. Как – из-под полы? Как он ему влез туда, под полу?
- Мария Михайловна. Ну не из-под полы, просто тайком. И не автомат, я спутала. Пистолет.
- Лариса. А-а. Санька говорил, что у его папы есть пистолет служебный.
- Мария Михайловна. Так я о чем. Когда деда твоего убили, мама твоя как-то быстрее оправилась, чем я, слава богу, в школу только не ходила недели три, ну я уж ее не трогала.
- Лариса. Я бы сейчас тоже с удовольствием.
- Мария Михайловна. Что ты с удовольствием?
- Лариса. В школу не ходила.
- Мария Михайловна. Это ты брось.
- Лариса. Мне же на него теперь смотреть каждый день.
- Мария Михайловна. На кого, не поняла?
- Лариса. На Саньку.
- Мария Михайловна. Да выкинь его из головы.
- Лариса. Угу.
- Мария Михайловна. Так о чем я, потом она вернулась в одиннадцатом классе и уже только с одним мальчиком ходила. Вот это как раз Соломон тот и был.
- Лариса. А потом чего?
- Мария Михайловна. А мать у него ужасная.
- Лариса. Мать-то при чем?
- Мария Михайловна. Ну не позволила она им.
- Лариса. В смысле – не позволила? А кто ее спрашивал?
- Мария Михайловна. Ну, я, знаешь, тоже не в торговле была, но его мать – особенно, она такая властная, ты же знаешь, как у них, он, кстати, так и не женился. А она парализованная сейчас, мать-то его, ноги парализовало, он ее в коляске иногда выкатывает. В сквере тут гуляют, видела? Напротив живут.
- Лариса. А, точно.
- Мария Михайловна. Они в Израиль хотели уехать, а тут ее парализовало, лечились-лечились, надо было денег наскрести и туда ехать, да он не наскреб, денег у него никогда не было, с его музыкалкой.
- Лариса. А может, их сейчас помирить?
- Мария Михайловна. Да не смехи.
- Лариса. А что? Если любовь была.
- Мария Михайловна. Да какая любовь в десятом классе.
- Лариса. Да хоть в первом.
- Мария Михайловна. Не смехи. До любви дорости надо, а это пока игрушки, в таком возрасте, ненастоящее.
- Лариса. Мне кажется, людям самим лучше понятно, настоящее у них или нет, это надо у людей спрашивать, баб.
- Мария Михайловна. Где Сережа, я уже не могу. Позвони ему.
- Лариса. Сережа-Сережа. Не пропадет твой Сережа!
- Мария Михайловна. Он должен пообедать и позаниматься. Ему надо заниматься по два часа в день как минимум.
- Лариса. Я тоже хочу обедать. Давай без него пообедаем.
- Мария Михайловна. Он в последнее время вообще забросил. Надо за него взяться. Вот Саня, кстати, очень много занимался, они старательные, это у них не отнять.
- Лариса. Саня?
- Мария Михайловна. Соломон. В школе, тогда.
- Лариса. Может, мама поэтому захотела, чтоб Сережа играл.
- Мария Михайловна. Может быть.
- Лариса. Видишь? Значит, настоящее.
- Мария Михайловна. Да бред это.
- Лариса. Бред – это когда люди из-за мамы пожениться не могут.
- Мария Михайловна. Ой, колокольчик, жизнь намного сложнее. Молодые всегда думают, что родители неправы. А на деле со стороны-то лучше видно.
- Лариса. Ну не знаю.
- Мария Михайловна (*жестко*). Я зато знаю. Не прекайся.
- Лариса (*услышав звонок*). Мобильник возьми, мама, наверное.
- Мария Михайловна (*по телефону*). Лидочка! Спит? Ой, как я рада! А чего он спит, день же? Ну да, не выспался, на службу рано мы пошли... Ой, тут что было, он тебе не рассказал?..
- Рассказывает в красках про события сегодняшнего утра. ЛАРИСА притворяется, что смотрит телевизор, по щенам натянутся слезы.

Саньна. Я не слышу!
Соня и Вера. Так точно, капитан!
Саньна. Кто проживает на дне унитаза?
Соня и Вера. Сережа Бородин, шлюхин сын!

Звенит звонок. ЛАРИСА тянет СЕРЕЖУ прочь. Остальные топчутся у дверей класса.

Сережа. Куда, контрошка сейчас...
Лариса. Какая тебе контрошка! Переодеться надо!
Соня (*засунув голову в дверь кабинета*).
Слышите! Вероника Пална! Бородин на контрольную идти не хочет!
Лариса (*шепчет*). Быстро слушай меня. Иди сегодня к Соломону.
Сережа. Мне только Соломона не хватало, млять.
Лариса. Вот сейчас иди переоденься, а вечером к Соломону. Он тебе поможет.
Сережа. Да как он, млять, поможет?
Лариса. Его мама любила в школе.
Сережа. Обосраться, как интересно.
Лариса. Она поэтому тебя на музыку отдала.
Сережа. И че теперь?
Лариса. Че теперь, че теперь! Иди к нему, попроси помочь!
Сережа. Мне что – пойти сказать «возьмите мою мать замуж»?
Лариса. Тупой, да?
Сережа. Да, тупой, я не понимаю, что мне это даст.
Лариса. Я просто думаю, есть настоящие вещи...
Сережа. Чего-чего?
Лариса. Настоящие вещи...

Что-то хочет сказать, захлебывается, пытается не заплакать.

Сережа. Я мысли читать не умею. Если есть что сказать – скажи нормально.
Лариса. Да ты все равно не слушаешь.
Сережа. Послушаю.
Лариса. Не слушаешь, меня никто не слушает. Живи себе дальше на дне унитаза. (*Быстро уходит.*)

СЕРЕЖА, помедлив, бежит за ней.

11.

Музыкальная школа. Кабинет СОЛОМОНа. Рядом с фортепиано стол, СОЛОМОН заполняет документы. Без стуна в дверь входит СЕРЕЖА с перевязанной кистью.

Соломон. Ага. Повернись-ка вокруг себя.
Сережа. Зачем?
Соломон. Хочу посмотреть, нет ли на тебе пыли.
Сережа. Откуда бы пыль?
Соломон. Не запылится ли ты.
Сережа. Сегодня все шутят не очень удачно.
Соломон. Ты тоже решил пошутить, я вижу, или правда рука болит?
Сережа. Правда. Ободрался.
Соломон. И зачем ты мне, однорукий бандит?
Сережа. Я все выучил, честно. Могу левую партию показать.
Соломон. Смысл?
Сережа. Ну, не знаю, ну мне уйти, что ли?
Соломон. Писал что-нибудь?
Сережа. Писал. Только потом порвал.
Соломон. Порвал?
Сережа. Потом другое написал.
Соломон. Показывай.
Сережа (*доставая из рюкзака тетрадь*).
Ну вот. Только я недееспособен.
Соломон. Ну-ка...

СОЛОМОН подходит к фортепиано, наигрывает по нотам, которые принес СЕРЕЖА, сначала небрежно, потом увлеченно.

Сережа. Вот.
Соломон. И ты смеешь не приходиться.
Сережа. Да это фигня, я на самом деле не за этим.
Соломон. Да ладно.
Сережа. Я хотел с вами поговорить.
Соломон. Как интересно. Мне звонила твоя мама и тоже просила с тобой поговорить.
Сережа. А я хотел поговорить, чтоб вы с ней поговорили.
Соломон. Я уже с ней говорил. Потому что ты пропускаешь занятия. Приходил, не застал тебя.
Сережа. Я знаю. Я сейчас не дома часто. Хоть бы вовсе там не быть.

Соломон. Вот как.

Сереза. Не могу все это видеть.

Соломон. Ясно.

Сереза. Поговорите с ней, а?

Соломон. Почему ты думаешь, что это поможет?

Сереза. Ну, звонит же она вам. Я ее напугал немного, наверное, вот она и звонит. Не кому-то из своих... этих, а вам. Блин, очень тупо себя чувствую.

Соломон. Это нормально.

Сереза. Просто выходит, она никого на место отца не ставит, а вас ставит.

Соломон. Это ты сам додумался?

Сереза. А что?

Соломон. Не своими словами говоришь.

Сереза. Ну да, если честно, это Лариска. Она еще сказала, что вы в школе с мамой... ну, общались.

Соломон. Так.

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон.

Соломон. Да. Да. Я в школе еще, в школе. В школе. Да. *(Сбрасывает.)*

Сереза. В общем, поговорите с ней.

Соломон. Я уже говорил и не думаю, что это поможет.

Сереза. Лариса говорит, что есть настоящие вещи...

Соломон. Лариса говорит, а ты как считаешь?

Сереза. Я никак не считаю, меня задолбало все. А она считает, Лариса, что если все совсем плохо, человека могут вытащить какие-то настоящие вещи. Ну, они у каждого в жизни были.

Соломон. Были.

Сереза. Вот и Лариса сказала, если мама вам звонит, то это, наверное... Блин, тупизм, она когда объясняет, у нее все так одно к одному пригнано, а я сейчас говорю, и тупость какая-то.

Соломон. Настоящие вещи. Понимаешь, Сереза, если человек даже обо всем догадался, сам все подстроил, свел людей вместе, то никак ничего не получится, хоть ты вроде все учел. А со временем понимаешь, что хорошие вещи нарочно не происходят. Настоящие вещи нарочно не

происходят. Настоящие вещи происходят случайно. Горько, но это так. Бесплезно что-то подстраивать, выстраивать. Просто нет никакого рационального решения. Нет волшебной таблетки, короче говоря, не существует ее.

Сереза. Короче говоря, вот вам ключ.

Соломон. Зачем?

Сереза. А я все равно сегодня к бабке пойду. А вы туда идите.

Соломон. Ты с ума сошел? Она меня вытолкает.

Сереза. Не. Она вас уважает.

Соломон. Ты бы видел, как она меня уважала, когда я приходил на днях.

Сереза. Это она непуганая еще была, а сейчас пуганая.

Соломон. Послушай, человек – не дикий зверь. Если в угол загнать, результаты могут быть вообще непредсказуемые.

Сереза. А вы не загоняйте. Вы вспоминайте что-нибудь приятное. Про школу, например. Может, ей легче станет. Ну, нет волшебной таблетки, ладно, но что-то же есть? Вы ее тогда поддержали после смерти бабушки, поддержите и сейчас. Скажите, что ей на работу надо устроиться...

Соломон. Не понимаю, почему наши люди так не любят услуги профессиональных психологов.

Сереза. А как я ее к психологу, палкой загоню?

Соломон. Ты меня сам сейчас загоняешь. И вообще шантажируешь.

Сереза. Кстати, совсем забыл. Я зарежусь.

Соломон. Слушай, это просто пошлость.

Сереза. Да мне все равно, сделайте что-нибудь.

Соломон *(показывает на руку)*. Это ты в школе подрался?

Сереза. Не переводите тему.

Соломон. Может, тебе школу поменять?

Сереза. Не в школе дело. Меня там никогда не любили особо. Это просто повод. Я с Санькой поцапался, вот и стал хитом дня. Завтра что-то другое придумаю. Какой смысл школу менять, если главное дерьмо дома?

Соломон. Твоя мать взрослая женщина, сама выбирает, как жить.

Сереза. А я тоже там живу. И я не хочу, чтоб в моем доме жили чужие. Жрали из моего холодильника, мусор раскидывали и окурки.

Соломон. Я тоже курю.

Сереза. И что?

Соломон. Имей в виду.

Сереза. Отлично, вы меня поняли.

Соломон. Ключ я не возьму. Я тебя сегодня отпускаю. А матери твоей позвоню и договоримся о встрече.

Сереза. Нельзя ей звонить. Ее надо враспloch застать.

Соломон. От неожиданности одумается? Тебе самому не смешно?

Сереза. Смешно. Счас сдохну от смеха.

Высканивает из кабинета.

Соломон. Сереза! Ключ забыл!

12.

Вечер. Нквартира ЛИДИИ. СОЛОМОН открывает дверь ключом. ЛИДИЯ выходит в прихожую и изумленно останавливается.

Соломон. Я не знаю, зачем пришел.

Лидия. А ты никогда ничего не знаешь.

Соломон. Ключ мне Сереза дал.

Лидия. А то кто же.

Соломон. Ты кого-нибудь ждешь?

Лидия. Сына.

Соломон. Он, похоже, к бабушке собрался.

Лидия. Ты с ним говорил?

Соломон. Говорил.

Лидия. Он не будет больше пить?

Соломон. Ты сама не пей, для начала.

Лидия. И что мне делать предлагаешь?

Соломон. Живи, что.

Лидия. Живи? Мне некуда жить и нечем.

Соломон. Зато есть для кого жить.

Лидия. Для детей? Зачем я им такая?

Соломон. Без надрыва, пожалуйста. Какая-никакая...

Лидия. Никакая.

Соломон. Ну так стань «какой».

У СОЛОМОНА звонит мобильный телефон. СОЛОМОН машинально кладет ключ в карман, отвечает на звонок.

Соломон. Да. Да. Нет, не скоро. Паша палец вывихнул. Ну вот так. Да, вместо него. Нет, нельзя. Да, надолго. Я позвоню. Пока. Я позвоню. Пока. *(Сбрасывает.)*

Лидия. Это кто у вас там чего вывихнул?

Соломон. Мы в ресторане тут рядом играем по вечерам, у меня среда обычно. А по вторникам Паша.

Лидия. Палец вывихнул?

Соломон. Палец.

Лидия. А может, всю руку для верности?

Соломон. Может.

Лидия. Так ты беги, подмени его, ты что. Место хорошее потеряете.

Соломон. Лида, перестань.

Лидия. Заработок же. Что там в школе-то платят.

Соломон. Перестань.

Лидия. Маму-то на что кормить будешь?

Соломон. Лида...

Лидия. Ее инвалидность да твоя зарплата... У кого больше, кстати?

У СОЛОМОНА звонит телефон. СОЛОМОН сбрасывает вызов, не отвечая.

Лидия. Это очень жестоко сейчас было.

Соломон. Нормально.

Лидия. Нет, жестоко. Просто ужасно. Иди, вправляй палец Паше своему и возвращайся домой. И позвони пятьсот раз.

Соломон. Думаю, мне стоит остаться.

Лидия. Стоит сначала свои проблемы решить, а потом чужие.

Соломон. Ты не чужая.

Лидия. Давно ли?

Соломон. Всегда.

Лидия. Хм. Ну, давай выпьем, что ли.

Соломон. А ты не в состоянии иначе разговаривать?

Лидия. В состоянии. Просто я злобная.

Соломон. И что ты злобная-то?

Лидия. Ты мало того, что ворвался, так еще и исповеди ждешь.

Соломон. Не жду, я грехи не отпускаю.

Лидия. А их никто не отпустит, кроме меня самой, а я себя не отпущу ни за что.

Соломон. Вот и зря.

Лидия. Пошли, выпьем.

Лидия. Я когда на таком узком пространстве лежу, представляю, что в поезде, на боковой полке.

Соломон. Чучух-чучух.

Лидия. Чучух-чучух. Куда мы едем?

Соломон. Из Парижа в Лондон.

Лидия. Что-то жирно для наших финансов.

Соломон. Наша армия завоевала и Англию, и Францию, и теперь из Парижа в Лондон идут поезда с боковыми полками.

Лидия. Да это ад...

Соломон. Ты бы видела чебуречную на месте Тауэра. «Теперь с воронами!»

Лидия. А знаешь, не в Лондон. Забери меня в Израиль. Ты же хотел уехать. Хочу, чтоб тепло, чтоб хоть немножко тепла. Чтоб деревá в цвету.

Соломон. Ты же помнишь, кем я работаю?

Лидия. Я работать буду. Я же экономист. Заработаю нам...

Соломон. И с мамой уживешься.

Лидия. Ну да, смешно, конечно. Я не изверг, а ждать, пока... а ужиться, нет, не уживусь.

Соломон. Что делать...

Лидия. А ты не хочешь разве, чтоб деревá в цвету?

Соломон. Я хотеть-то хочу еще. Только не думаю, что пригожусь там.

Целует ее, встает, уходит в ванную комнату.

ЛИДИЯ поднимается с дивана, открывает окно, долго смотрит в окно, лезет на подоконник.

СОЛОМОН возвращается.

Соломон (*схватив ее*). Ты чего, ты куда?

Лидия. Смотрю. Там всю ночь под окнами кто-то орал.

Соломон. Я спал.

Лидия. А я плохо сплю. Поэтому лежала и слушала.

Соломон. Чего орал?

Лидия. Искал своих друзей.

Соломон. Он что, реально кричал «Друзья, где вы?».

Лидия. Нет, он кричал «Пидарас, выходи».

Соломон. Ну да. Так друзей не найдешь.

Смеются.

Соломон. Ну, я пошел.

Лидия. Иди.

Соломон. Ты тут нормально?

Лидия. Я тут нормально.

Соломон. Я приду потом.

Лидия. Не надо.

Молчат.

Соломон. Ладно, я пошел.

Лидия. Ты сказал уже.

Соломон. А теперь иду.

СОЛОМОН уходит. ЛИДИЯ приносит из кухни в комнату бутылку вина и стакан. Ставит стакан на стол, наливает вино, льет через край, не замечая, разливает вино по столу, вино льется на пол, бутылка опустела. ЛИДИЯ вытирает стол рукой. Мокрым рукой трет лицо.

Стучат в дверь. ЛИДИЯ неподвижно стоит у стола. В дверь продолжают стучать. ЛИДИЯ с мокрым лицом отправляется открывать дверь.

В комнату входит СЕРЕЖА со школьным рюкзаком. Смотрит на разгром, на ЛИДИЮ.

Сережа (*ухмыляясь*). Мам. Я креститься хочу.

Лидия. А зачем?

Сережа. А какая разница?

Лидия. Вот именно, что никакой.

ЛИДИЯ уходит в ванную. СЕРЕЖА методично прибирается: вытирает со стола, вытряхивает пепельницу, выбрасывает бутылку.

Входит запыхавшаяся ЛАРИСА со школьным рюкзаком.

Лариса. Ну что тут?

Сережа. Что он сказал?

Лариса. Ничего.

Сереза. И так все ясно. Не надо было за ним бежать.

Лариса. Я почти до разезда добежала. Он даже не обернулся.

Сереза. А я что говорил?

Лариса. Мы рано вернулись. Надо было сначала в школу.

Сереза. Никакой разницы.

СЕРЕЖА находит на столе нож. ЛАРИСА, увидев это, молча нидаётся отнимать. Борьба. СЕРЕЖА отпихивает ЛАРИСУ в угол.

Лариса. Мама!

Лидия (*из ванной*). Я в туалете!

Сереза. Тихо.

Лариса. Мама, он нож взял!

Лидия. Я тебя не слышу, скажи потом!

СЕРЕЖА сидит на диване, смотрит на нож.

Лариса (*тихо*). Серезечка, отдай. Серезечка, отдай, пожалуйста.

Сереза. Успокойся.

Слышно, как ЛИДИЯ выходит из ванной и отправляется на кухню. ЛАРИСА пытается встать, ноги у нее дрожат.

Лидия (*голос*). Идите поешьте перед школой.

Сереза. Счас.

Лидия. Ты играл сегодня?

Сереза. Когда бы?

Лидия. Зря, что ли, бабушке пианино ставили?

Сереза. Оно расстроенное.

Лидия. Да?

Сереза. Ага. В хлам. Наше тоже, кстати, не очень.

Лидия. Надо настройщика звать.

Сереза. Ага. Надо.

Подходит к фортепиано, открывает крышку, смотрит на клавиши, потом начинает с размаху тыкать в клавиши ножом.

Лидия. Ты что там?

Сереза. Проверяю.

Лидия. Еще больше расстроишь.

Сереза. Еще больше.

Стоит возле фортепиано с ножом в руках.

ЛИДИЯ появляется в дверях, смотрит на разоренное фортепиано. Подходит к СЕРЕЖЕ, обнимает его сзади.

Лидия. Сыграй мне что-нибудь.

15 (финал-2).

Квартира СОЛОМОНА. Кровать у окна, рядом инвалидная коляска, на ней висит пиджак, на кровати с закрытыми глазами лежит ИЛАРА ХАИМОВНА. Входит СОЛОМОН.

Соломон. Извини, что так долго...

ИЛАРА ХАИМОВНА не отвечает, лежит неподвижно. СОЛОМОН подходит, приглядывается.

Соломон. Мама! (*Трясет ее.*)

Илара Хаимовна (*открыв глаза*). Хлеба хоть взял?

Соломон. Господи, ты что так пугаешь? Ты что лежишь без движения?

Илара Хаимовна. Я специально.

Соломон. Специально?

Илара Хаимовна. Если я пошевелюсь, я лопну.

Соломон. Давай в коляску.

Илара Хаимовна. Лучше утку.

Соломон. А что так?

Илара Хаимовна. А я что-то ослабела. Перенервничала.

Соломон. Начинается.

Илара Хаимовна. Боюсь, не донесу.

Соломон. А я тебе говорил – памперс надо.

Илара Хаимовна. Памперсы. Куда как мило. Я, значит, буду тут в памперсах лежать, вся такая красивая, а ты будешь где-то бегать?

Соломон. Давление давай смеряем.

Илара Хаимовна. Потом давление, я не завтракала. Хлеба почему не взял?

Соломон. Да я даже без карточки вышел.

Илара Хаимовна. Пустая твоя голова...

СОЛОМОН выходит из дома, сначала идет, потом почти бежит, потом бежит очень быстро.

Занавес

Соломон. А что я мог, кто ж знал, что Пашка палец, ээм-эээм, руку повредит?
 Нлара Хаимовна. Подменил бы кто-нибудь другой. Не вытурили бы!
 Соломон. Вытурили. Там много кто играть хочет, место хорошее, по выходным так вообще битком, и по будням нормально. Мне нельзя терять, сама знаешь, на одну зарплату мы с тобой не проживем.
 Нлара Хаимовна. А как ты играешь в ресторане, так мы прямо в золоте купаемся.
 Соломон. Перестань, пожалуйста.
 Нлара Хаимовна. Чтоб больше этого не было. Ты не ла́бух, по ресторанам играть. Найди себе что-нибудь другое.
 Соломон. Что? Что – другое? И как я искать буду, бегать? И когда?
 Нлара Хаимовна. Опять я тебе мешаю, надо полагать?

СОЛОМОН роется в карманах пиджака, висящего на спинке коляски, вытаскивает бумажник, кладет в карман куртки. Из кармана куртки выпадает ключ. СОЛОМОН поднимает ключ, долго смотрит на него.

Соломон. Так, я за хлебом.
 Нлара Хаимовна. А утка?
 Соломон. И за уткой.
 Нлара Хаимовна. Очень смешно. Куда!

СОЛОМОН порывается уйти, потом возвращается, вынимает из-под кровати утну. НЛАРА ХАИМОВНА вцепляется в его руку.

Нлара Хаимовна. Ты мне скажи, куда ты идешь? Куда ты идешь?
 Соломон (*вырвавшись*). За хлебом я! За хлебом!

СОЛОМОН быстро выходит.

Нлара Хаимовна. Черт знает что.

Ловно перебирается в коляску, унатывается на хню.